

ВИКТОР ГЛЕБОВ

фаталист

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Г53

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении книги использованы
иллюстрации *Вадима Грабовского*
Иллюстрация на обложке: *Алексей Провоторов*

Глебов, Виктор

Г53 Фаталист / Виктор Глебов.— Москва: Издательство АСТ, 2017.— 381, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-102794-0

Смерть идет за ним по пятам. Призраки прошлого терзают его, демоны настоящего — боятся. А он сам страшится темных углов и лестниц...

Бывшие друзья желают ему скорейшей гибели. Бывшие возлюбленные мостят для него дорогу в Ад. И он уже давно готов ступить за грань...

Твари из бездны, ожившие мертвецы, маньяки, культисты и привидения — никто и ничто не способно поколебать его хладнокровного цинизма.

Грубый, презирающий всё и вся, — он один способен погрузиться в пучину кровавого безумия и распутать клубок интриг...

Потому что, несмотря на дурной характер и сомнительную репутацию, он все равно герой.

Герой своего времени.

Печорин...

© Виктор Глебов, текст, 2017

© Алексей Провоторов, обложка, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ПРОЛОГ

Карл-Ганс Ультен, пятый барон Ультен, изнемогал от августовской жары. Пот струился по его круглому лбу, задерживался ненадолго в складках век, переносицы, подбородка и тут же катился дальше. Круглое лицо потомка русского и шведского дворянских родов блестело в ослепительном свете двух огромных хрустальных люстр, свисавших с потолка аукционного зала «Баброкс».

Обмахиваясь буклетом, Карл Ультен окинул взглядом роскошный зал. Все посетители уже расселись и нетерпеливо ожидали начала торгов. Шелестели платья и страницы доджеров¹, стучали передвигаемые стулья.

Большинство лиц выглядело знакомо. Некоторые завсегдатаи приветственно кивали друг другу издали. С бароном тоже поздоровались человек шесть коллекционеров и бизнесменов, вкладывающих деньги в антиквариат.

Карл Ультен в очередной раз взглянул на страницу раскрытого буклета, где были отмечены рукой его секретаря, мисс Рэндвик, лоты, которые он намеревался приобрести — за разумную цену, конечно. Барон никогда не платил больше, чем стоила вещь — он гордился своим чувством меры и умением сдерживать азарт.

В этот раз его интересовали всего три выставленные на продажу предмета, но, хотя все они считались

¹ *Доджер* — буклет, рекламный проспект.

уникальными, он заранее решил, что не потратит больше ста тысяч фунтов. Этот предел барон даже записал карандашом на обратной стороне буклета, хотя нисколько не нуждался в напоминании — память у Карла Ультена была отменная.

Подошла и села справа упакованная в светло-коричневый строгий костюм мисс Рэндвик. Барон едва заметно поморщился, когда его накрыл тяжелый аромат цветочных духов, но головы не повернул: он никогда не обращал на служащих внимания, если не видел в том прямой необходимости.

— Пейзаж Фернера пойдет седьмым лотом,— проговорила секретарша бесцветным голосом.— Стартовая цена десять тысяч.

Карл Ультен кивнул. Все это он знал. Картина и фарфоровый сервиз при всей своей уникальности оставались все же картиной и сервизом. Подлинное любопытство барона вызывала последняя вещь, не имеющая названия и идущая просто под номером GL-526. Именно ее барон больше всего желал приобрести. Он даже готов был отказаться от первых двух ради того, чтобы уложиться в определенный самим собой лимит в сто тысяч.

Стрелки больших старинных часов замерли на отметках «12» и «6». Тотчас к трибуне вышел одетый в традиционный смокинг лицитатор¹, поприветствовал собравшихся, взял затянутой в белую перчатку рукой молоток и объявил аукцион открытым.

Несмотря на то, что первый интересующий барона лот должен был появиться еще не скоро, Карл Ультен невольно подобрался: он предпочитал настраиваться на битву заранее.

¹ *Лицитатор* — ведущий аукциона.

ГЛАВА 1,

в которой планы неожиданно нарушаются

Ее лицо было бледным, и через тонкую фарфоровую кожу просвечивали синие вены. Круги вокруг запавших глаз отливали фиолетовым, и остановившиеся зрачки размером с булавочную головку смотрели, ничего не видя. Похожее на фантом лицо медленно плыло в темноте, постепенно приближаясь.

Сначала казалось, что рот и подбородок женщины скрыты чем-то вроде чадры или платка, но затем становилось ясно, что они попросту отсутствуют: вместо нижней челюсти зиял провал, и красное месиво, изуродованное ядом, представляло собой разъеденную плоть и испускало нестерпимое зловоние.

Тем не менее, несмотря на отсутствие губ и языка, а также зубов — в общем, всего того, что принимает участие в артикуляции, — женщина говорила, и слова ее звучали вполне отчетливо:

— Почему ты обманул меня? — вопрошала она, спускаясь по ступеням темной лестницы, одетая во все черное, отчего казалось, будто голова парит в воздухе сама по себе. — Я так любила тебя...

Ее тонкие руки висели вдоль тела подобно плетям; затянутые в перчатки пальцы нервно перебирали складки платья — как прежде, когда женщина была жива.

— Ты предал меня... это все из-за тебя!

Дуновение воздуха всколыхнуло пламя единственного газового светильника, оставшегося на площадке

этажом выше, и по стенам заплясали бесформенные рваные тени.

Что-то покатилося с тихим звоном и запрыгало по ступенькам вниз. Это был стеклянный флакон с остатками синей жидкости. Часть ее пролилась, и теперь вокруг горлышка медленно росло темное влажное пятно. Оно становилось все больше — гораздо больше, чем допускали законы природы.

— Это мои слезы,— проговорила, сходя все ниже, женщина.— Они станут ядом и в конце концов отравят тебя. Ты умрешь... моя любовь...

Все это показалось бы молодому человеку, стоявшему у подножия лестницы, мелодраматичным и даже смешным — словно взятым из какого-нибудь французского любовного или английского готического романа, которые он сам давно уже бросил читать,— если бы от вида этой жуткой женщины с изъеденным травой лицом не продирало морозом до самых костей!

Молодой человек отступил, нащупывая за спиной дверь. Она была все еще открыта. И зачем он вошел сюда, поддавшись любопытству?! Если бы только он проигнорировал тихий скрежет, приведший его на черную лестницу, где и предстало перед ним это привидение!

Женщина засмеялась: из ее изуродованного горла донеслись хлюпающие, клопочущие звуки.

— Ты не избавишься от меня,— сказала она.— Никогда!

Молодой человек сделал назад еще один шаг и очутился на пороге. В лицо ему пахнуло ледяным холодом и запахом тлена, смешанным с ароматом знакомых духов. Он решительно захлопнул дверь, лязгнув засовом и замер, прислушиваясь.

Легкие спускающиеся шаги говорили о том, что привидение не исчезло. Вот оно остановилось по ту сторону двери — до молодого человека доносилось

прерывистое булькающее дыхание. Женщина провела ногтями по дереву и рассмеялась так, словно знала, что он здесь и слушает.

— Сдохнешь! — прошипела она, переходя вдруг с мелодраматического тона на площадной, который при жизни совершенно не был ей свойственен. В ее голосе появились чужие, более низкие и грубые ноты.— *Живый щенок! Куда ты дел книгу?!*

Молодой человек отшатнулся. Сердце его сжалось.

Он подумал, что призрак может быть плодом его воображения — он не спал третью ночь, и вполне вероятно, что мозг, не имея отдыха, породил это чудовищное виденье.

Иначе как объяснить последнюю фразу? Молодой человек сразу узнал произнесенные слова — он запомнил их еще с детства, ибо слышал задолго до того, как в его жизни появилось привидение.

— Сдохнешь....— донеслось до него едва слышно.

Из щели между стеной и дверью потянуло пронизывающим холодом. Молодой человек решительно развернулся и зашагал прочь из комнаты. Сердце колотилось быстрее обычного, но страха почему-то не было.

«*Та история*» — вот как говорят о неприятностях в высшем свете, ставших достоянием гласности. Одним словом, о *скандале*.

Говорят, понизив голос и многозначительно глядя на собеседника. И тот в ответ кивает и поджимает губы. В этот миг рождается *сопричастность*.

Некоторые попавшие в «историю» делают вид, что ничего не изменилось, и стараются не замечать косых взглядов, перешептываний и напряженности, охватывающей присутствующих при их появлении. Другие

бегут туда, где никто их не знает. Третьи отправляются перевести дух, чтоб вернуться. Четвертые, устав от разочарований, пускаются в последнее путешествие.

В пять часов утра в домике на краю Пятигорска распахнулось окно, и из него выглянул молодой человек весьма привлекательной наружности. На первый взгляд ему можно было дать лет двадцать пять, хотя, если приглядеться, то, пожалуй, и все тридцать. Глаза у новоприбывшего в Пятигорск были карими, кожа нежной, белокурые вьющиеся волосы падали на бледный благородный лоб, на котором едва виднелись следы морщин, пересекавших одна другую. Черные и словно нарисованные усы и брови несколько не портили это аристократическое лицо, тем более что зубы сверкали ослепительной белизной.

Дом, одноэтажный и белый, располагался у самого подножия Машука. Постоялец нарочно нанял его, чтобы видеть, как во время грозы облака будут спускаться до покато́й кровли. Кто-то рассказал ему, что зрелище это обладает особой привлекательностью для натур романтического склада, к коим молодой человек, впрочем, не имел склонности себя причислять, поскольку поэмы Байрона и труды Ричардсона почитал за пошлость, а разговоры о возвышенных натурах — модной банальностью. Удирая на Кавказ из душных московских салонов, он бежал в том числе и от «литературных» бесед, столь любимых дамами за тридцать и девушками до двадцати. Однако вид величественного буйства природной стихии всегда повергал молодого человека в восторженный ступор, и он не желал лишать себя возможности лицезреть нечто подобное здесь, в Пятигорске.

То, что дом был одноэтажный, также имело немалое значение: с некоторых пор молодой человек старался селиться только в таких. Наличие черной лестницы (которая являлась непременно атрибутом

постройки двухэтажной) вызывало у него совершенное неприятие.

Постоялец вдохнул запах цветов из небольшого палисадника и задержал взгляд на ветках черешни, стоявшей чуть правее окна. На его лице появилась мимолетная, почти детская улыбка.

Она объяснялась тем, что вид перед ним открывался поистине чудесный: на западе синел пятиглавый Бешту, на севере поднимался Машук, похожий на мохнатую персидскую шапку, на востоке простирался чистенький, новенький городок, шумящий целебными ключами и пестрящий разноцветными кровлями. Далее громоздились амфитеатром синие горы, укутанные туманом, а у самого горизонта тянулась серебряная цепь снежных вершин, начинавшаяся Казбеком и оканчивавшаяся двуглавым Эльбрусом.

И все же улыбка эта была неуверенной, подернутой патиной грусти. Выражение лица словно вопрошало: что этот город мне готовит?

Молодого человека звали Григорий Александрович Печорин. Он прибыл в Пятигорск накануне и, едва обустроившись, отправился в город осмотреться.

Григорий Александрович был среднего роста, но крепкого телосложения, и на широких его плечах сшитый на заказ темно-синий сюртук петербургского покроя сидел идеально. Походка у Григория Александровича была небрежная и ленивая, однако руками он не размахивал, что, по мнению знатоков человеческой природы, свидетельствует о скрытности характера.

Направляясь в центр города, Григорий Александрович шел бульваром, а затем поднялся по узкой тропинке к Елизаветинскому источнику, где обогнал толпу мужчин — штатских и военных,— проводивших его любопытными, но нарочито равнодушными взглядами. То, что никто в Пятигорске пока не знал Печорина, доставляло ему немалое удовольствие.

Свернув за угол, Григорий Александрович двинулся вдоль небольшой уютной аллеи с деревянными скамейками, и тут же приятное впечатление от города было досадно испорчено.

Впереди показался чернявый офицер в чине поручика. Он вывернул с какой-то боковой дорожки и шел, слегка пошатываясь, в том же направлении, что и Григорий Александрович. Вдруг он резко остановился, словно в раздумье, а затем, согнувшись пополам, изверг на гравий аллее содержимое желудка.

Событие это было столь неожиданным, что Печорин, не раздумывая, в тот же миг изменил направление движения и скрылся за ближайшими кустами. Похоже, местные офицеры от безделья слишком увлекались горячительными напитками — даже и по ночам.

Неприятный осадок продержался на душе у Григория Александровича недолго. Утро было слишком солнечным, а природа — полной жизни. Казалось, в таком месте просто не может приключиться ничего скверного. Настоящий райский уголок, укрытый от земной суеты горами и деревьями — минводы, в общем.

Наконец Григорий Александрович добрался до колодца, сложенного посреди небольшой площадки из желтоватых нетесаных камней. Смотрелось сооружение весьма живописно. Не хватало разве что пары верблюдов и погонщика в чалме и расшитом кафтане.

Судя по всему, это было одно из популярных мест Пятигорска. Остановившись на углу, Григорий Александрович по военной привычке огляделся — оценил диспозицию, так сказать.

Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли. Около десятка дам расхаживали по площадке, видимо, ожидая лечебного действия выпитой воды. Григорий Александрович по привычке отметил среди них два-три хороших личика.

На скале у павильона торчали любители видов и наводили начищенный до блеска медный телескоп на Эльбрус. Среди них были два гувернера со своими воспитанниками. Вероятно, они намеревались преподать им азы астрономии, а может, просто искали способ убить время.

— Печорин! Давно ли здесь? — голос раздался за спиной и показался знакомым.

Обернувшись, Григорий Александрович увидел молодого человека лет двадцати пяти, смуглого и черноволосого, в толстой солдатской шинели и с георгиевским крестиком на шее. Его пухловатые губы сложились в подобие неуверенной улыбки, которой он, впрочем, пытался придать вид определенной развязности.

Звали молодого человека Грушницкий.

— Сам я неделю назад прибыл, — сообщил тот, сердечно обняв Григория Александровича. — Прежде тебя.

Грушницкий был юнкером, получил ранение в ногу и приехал в Пятигорск на лечение. Он стоял, опираясь одной рукой на костыль, а другой покручивая черный ус. Поза его была весьма живописной — на самом пределе натуральности.

— Здравствуй, здравствуй, — проговорил Григорий Александрович, оглядев приятеля с головы до ног. — А ты все мечтаешь стать героем романа?

Грушницкий расхохотался, по-мальчишески запуснув голову, однако, когда он заговорил, было заметно, что слова Григория Александровича его задели.

— Почему это? — вопрос прозвучал небрежно, однако в тоне чувствовались напряженные нотки.

— Да нет, это я так, к слову, — не захотел развивать тему Григорий Александрович, вспомнив, что Грушницкий всегда болезненно реагировал на любые намеки по поводу его тяги к дешевому романтизму. — Про-

сто ты, помнится, говорил, что причина, побудившая тебя вступить в полк, навеки останется тайной между тобой и небесами.

Грушницкий посерьезнел и кивнул едва ли не с трагическим видом.

Печорин был уверен, что тот влюбился, решил, что не достоин предмета своих вздыханий, и поступил в армию, чтобы «страдать» от разлуки. Возможно, он ошибался в деталях, но по сути наверняка был прав.

— Расскажи мне лучше, как тут все устроено,— попросил Григорий Александрович.

— Охотно,— оживился Грушницкий.— Пьющие воду утром вялы, как все больные, а пьющие вино вечером несносны, как все здоровые. Женщины играют в вист, дурно одеваются и по-французски изъясняются так, что уши вянут. В этом году из Москвы приехала княгиня Лиговская с дочерью, но я с ними не знаком. Моя солдатская шинель — как печать отвержения.— Лицо у Грушницкого, словно по заказу, сделалось трагическим.— Участие, которое она возбуждает, тяжело мне, как милостыня.

— Пятигорск напоминает райский уголок,— заметил Григорий Александрович, меняя тему. Высокопарность всегда вызывала в нем раздражение.— В таком месте не жаль и умереть.

— Не все и здесь бывает спокойно,— заметил Грушницкий.— Сегодня с утра, например, закрыли Цветник. Это такой парк для прогулок, очень любимый местной публикой.

— А что случилось?

— Понятия не имею. Оцеплен полицией. Говорят, осыпается грот, и власти боятся, что кого-нибудь из любителей уединения завалит камнями. Все надеются, что это в скором времени исправят.

В эту минуту к колодцу подошли две дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Их лиц за

шляпками Печорин не разглядел, но одеты были обе по строгим правилам лучшего вкуса: ничего лишнего.

На девушке было закрытое платье, шелковая косынка вилась вокруг шеи. Ботинки стягивали щиколотку, и легкая, но благородная походка имела в себе что-то ускользающее от определения. Когда она прошла мимо беседующих молодых людей, от нее повеяло тонким ароматом, составленным, вероятно, где-нибудь в Париже.

— Это княгиня Лиговская,— сказал Грушницкий,— и с нею дочь ее Мэри, как она ее называет на английский манер. Они здесь всего несколько дней.

— Но ее имя ты уже знаешь,— заметил Григорий Александрович, провожая дам взглядом.

— Случайно услышал,— нехотя ответил Грушницкий, потыкав костью в землю.— Знакомиться не желаю, говорю это тебе сразу.

— Отчего же?

— Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью? — Грушницкий опять перешел на излюбленный пафос, который всегда отдавал у него мелодрамой самого низкопробного пошиба. В уездных городах он бы блистал на сцене, стяжая восторги и влюбленность провинциалок, но Печорина от речей такого рода попросту коробило. Он невольно поморщился и с усмешкой проговорил:

— Бедная шинель! Как она мешает тебе жить. А кто это так услужливо подает им стакан?

— Это Раевич! — брезгливо ответил Грушницкий.— Московский фронт, игрок и бретер.

Григорий Александрович обежал ловкого господина цепким взглядом, отметив окладистую бороду в народном стиле, стриженные в кружок волосы, крупную золотую цепь, извивавшуюся по голубому

жилету, и толстую трость с набалдашником в виде черного полированного шара. Печорин решил, что человек этот из тех, которые стараются производить на окружающих благоприятное впечатление, зная, что о них могут ходить нелестные слухи. Однако ж по всему видно было, что господин, подавший стакан Лиговским, опасен: хищник, прикинувшийся травоядным. «Волк в овечьей шкуре», — подумалось Григорию Александровичу.

Тем временем дамы отошли от колодца и снова поравнялись с молодыми людьми. Грушницкий успел с помощью своего костыля принять драматическую позу. Маленькая княжна бросила на него долгий любопытный взгляд. Должно быть, и она была не чужда обаяния «Чайльд-Гарольда» или «Гяура».

— Эта княжна Мэри прехорошенькая, — сказал Григорий Александрович, когда дамы прошли дальше и не могли его слышать. — У нее бархатные глаза. Они так мягки, будто гладят тебя... А зубы у нее белые? Это очень важно! Жаль, что она не улыбнулась.

— Ты говоришь о хорошенькой женщине, как об английской лошади! — возмутился Грушницкий.

— Что ж поделать, если эти товары часто выбирают по схожим принципам? — усмехнулся Григорий Александрович, после чего повернулся и пошел прочь. Грушницкий наскучил ему своей фальшивостью и напыщенностью. К людям подобного рода Печорин всегда испытывал презрение, смешанное с жалостью. Да и как еще относиться к человеку, которому недостает смелости и силы быть самим собой?

Во взгляде, которым провожал его Грушницкий, вначале появилось изумление, сменившееся обидой, а потом, спустя пару секунд, — злобой. Если бы Печорин в тот момент обернулся и увидел его... Но он шел вперед, довольный, что избавился от общества старинного знакомого.